

Мария Калиновска

«Альбом путешествия в Грецию и на Восток» Юлиуша Словацкого как открытое и синкретическое романтическое произведение. Проблемы издания

(Международная научная конференция
«Поэзия филологии. Филология поэзии»)

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Филологический факультет

Польская академия наук

17-18 февраля 2017 года)

Юлиуш Словацкий принадлежит к наиболее выдающимся и важнейшим – наряду с Адамом Мицкевичем – польским поэтам романтизма. Работа с текстами как Мицкевича, так и Словацкого, связанная с подготовкой их изданий, на протяжении нескольких последних десятилетий являлась одним из главных направлений польской текстологии, и именно в процессе этой работы над произведениями обоих поэтов формировались основные концепции современного издательского дела в Польше.

Творчество Словацкого представляло собой и по-прежнему представляет особый (и я бы добавила: невероятно трудный) вызов для издателя. Юлиуш Словацкий, родившийся в 1809 году в Кременце, с 30-х годов жил в эмиграции в Западной Европе. Умер он в 1849 году в Париже. В его творчестве выделяют несколько периодов, и важнейшим рубежом в нем считают так наз. мистический перелом (около 1842 г.), когда поэт, радикально изменив свой творческий стиль, перестал публиковать свои произведения – но не перестал писать. Напротив, он продолжал творить намного интенсивнее, но уже пренебрегая литературной славой, ибо считал, что осуществляет важную духовную миссию.

После обращения Словацкого к мистицизму, совершенно преобразившего его манеру письма, из-под его пера выходили произведения, которых он не заканчивал и не завершал, создавая в них необычный, открытый мир из возвращающихся персонажей и мотивов, связующих мифологическое наследие Европы с сюжетами из польской и европейской истории. Весь этот труд ставил своей целью раскрытие истинной духовной сущности человека и истории; при этом, выстраивая свою мистическую

систему и создавая новый тип литературного произведения, поэт использовал элементы богословия как западного, так и восточного христианства. Лишь немногие из тех произведений, которые мы сейчас называем мистическими, Словацкий опубликовал. Большинство из них осталось в рукописи и было систематизировано уже издателями в соответствии с их собственным пониманием этой сложной, многомерной части его творчества. Главным издателем мистических произведений Словацкого, как и всего наследия поэта, был Юлиуш Клейнер. Выпущенное им «Собрание сочинений» Словацкого¹ до сих пор остается основным изданием произведений поэта, используемым как в научных, так и в учебных целях. Изданием произведений Словацкого занимались и другие, виднейшие польские филологи и издатели, и их впечатляющий труд невозможно переоценить.

Тем не менее их работа уже в течение нескольких десятилетий подвергается в филологических кругах критике. Выясняется, что выдающиеся издатели и текстологи, публикуя мистическое наследие поэта, что являлось их великой и неоспоримой заслугой, в то же время его в некотором смысле искажали. Они интерпретировали его так, как это было близко каждому конкретному издателю, т. е. в соответствии с определенными представлениями об этой части творчества Словацкого (что вполне естественно), а также в соответствии с литературным кругозором каждого издателя. Между тем мистическое творчество Словацкого не умещалось в границах привычных литературных понятий того времени.

Уже много написано о неизбежном и по сути непреднамеренном вмешательстве издателей в мистические тексты Словацкого. Сейчас мы понимаем творчество поэта иначе, чем Юлиуш Клейнер или его предшественники, а точнее, стараемся иначе, нежели наши предшественники, систематизировать указанные произведения. Что характеризует современные тенденции в области издания сочинений Словацкого, в отличие от прежних, и в особенности от издательской практики Клейнера? С изрядной долей упрощения можно взять на себя смелость обозначить следующие оппозиции, отражающие изменение подхода к мистическому творчеству Словацкого. Клейнер классифицировал его творчество в соответствии с известными родами и жанрами (романтическая драма, трагедия, эпическая поэма, лирика и т. д.) – мы же сейчас видим, что Словацкий выходил за эти рамки и что его произведения не подводится под четкие литературные критерии. Клейнер стремился «завершить» произведения Словацкого,

¹ *Slowacki J. Dzieła wszystkie / Pod red. J. Kleinera. T. I – XI. Lwów, 1924–1933. Второе, расширенное издание: тт. I–XVIII (ред. тт. XVI–XVIII при участии В. Флориана) – Wrocław, 1952–1975.*

заполняя пробелы в текстах, которые считал незаконченными; мы же, рассуждая о творчестве Словацкого, стараемся избегать понятия «незаконченные тексты» и рассматриваем их как открытые, многомерные, иногда намеренно фрагментарные. Клейнер из нагромождения текстов поэта (ср. иллюстрацию с одной из рукописей мистического периода) пытался извлечь основной текст, объявляя его окончательным, а оставшиеся фрагменты считал более ранними вариантами, которые автор начал и бросил². Тем самым он выстраивал их иерархию, с которой современные исследователи мистического творчества поэта не соглашаются. В 1979 году, на конференции, посвященной «мистическому Словацкому», которая стала переломным моментом для современных исследований его творчества, один из лучших его знатоков Стефан Треугутт задал вопрос, выражающий опасения, разделяемый сегодня и нами: «Как [...] систематизировать это наследие? Попробуйте представить себе абсолютно пассивное отношение исследователя, издателя к позднему творчеству Словацкого как результат согласия с его подходом, а соответственно и с манерой письма, а тем самым и со своего рода равноуровневостью, равноценностью каждого фрагмента перед лицом не поддающегося фиксации целого...»³. Разумеется, Треугутт отказывается от такой пассивности и пытается обдумать разные способы систематизации этих текстов при их подготовке к изданию, взвесить разные возможности: например, объединение «текстов, сходным образом касающихся какой-либо стороны генезийского учения» по «группам проблем»⁴.

Вопросы Стефана Треугутта, заданные в 1979 году, по-прежнему актуальны, и перед нами все так же встают проблемы, связанные с «генезийской филологией», как писал исследователь⁵ (название – от мистической системы Словацкого, именуемой «генезийской»), т. е. с необходимостью выработки особых – может быть, уникальных – принципов издания мистических произведений, которые Треугутт охарактеризовал следующим образом: «Целый ряд внутренних опытов привел Словацкого к выводу о единстве всех явлений, единстве духовной движущей силы эволюции и совершенствования форм»⁶. Здесь стоит попутно заметить, что в 1979 году, когда филологи дискутировали о специфике задач, стоящих перед издателями поздних

² См. *Treugutt S. // Slowacki mistyczny. Propozycje i dyskusje sympozjum. Warszawa, 10-11 grudnia 1979 / Pod red. M. Janion, M. Żmigrodzkiej. Warszawa, 1981. S. 27–40.* Ср. также остальные выступления в дискуссии на этом симпозиуме, касавшиеся проблем издания мистических произведений Словацкого, на с. s. 14 и след.

³ *Treugutt S. Op.cit., s. 36.*

⁴ *Ibid. S. 37.*

⁵ *Ibid. S. 27.*

⁶ *Ibid. S. 32.*

текстов Словацкого, естественно, еще не было компьютеров, электронных изданий и Интернета, тогда как достигнутая сейчас новая ступень развития цивилизации вооружает нас новыми инструментами, по моему мнению, весьма полезными для такого типа проектов.

Но вернемся к главной линии наших рассуждений. Позволю себе высказать мысль, что столь интенсивно развивающаяся рефлексия над мистическим творчеством Словацкого оказала влияние на решение вопросов, касающихся издания более ранних его текстов «домистического» периода. Эскизно обрисованные выше издательские и текстологические проблемы, возникающие в связи со специфическим, особым творчеством Словацкого-мистика, заставили исследователей более чутко отнестись к проблемам произведений неоконченных, поливариантных, а также неопубликованных и при жизни Словацкого не реализовавшихся в общественном пространстве. Конечно, это невозможно доказать, но многолетние наблюдения над тенденциями в польской филологии позволяют мне выдвинуть предположение о наличии связи между изменением оптики восприятия мистического творчества Словацкого и новыми направлениями в области текстологии более ранних его произведений. В наши дни мы хотим уже по-иному издавать поздние тексты Словацкого – но мы также по-иному судим о его более ранних текстах, особенно неоконченных или неопубликованных: сегодня нас более интересуют процесс и динамика, чем окончательный и замкнутый текст; нас в большей степени увлекает текст, наблюдаемый в динамике его создания и преобразования, чем текст в его статическом, завершенном, окончательном виде.

Разумеется, на подобную оптику повлияли также общие тенденции в филологии, в особенности генетическая критика, рассматривающая произведение в аспекте его зарождения, трансформации или эвентуальной поливариантности.

В последние годы внимание литературоведов и издателей стали привлекать не только поздние мистические тексты Словацкого, но и более ранние, домистические его произведения, которые поэт не опубликовал и не завершил: например, одна из лучших драм Словацкого «Горштыньский», которая так и осталась неоконченной. При этом в данном случае речь идет о «незаконченности» произведения в традиционном понимании – не о той, которая наблюдается в мистическом творчестве поэта. Кроме этого различия (между творчеством литератора и творчеством мистика и между творческим процессом поэта в домистический и в мистический период), следует обратить внимание и на значимую для текстологических исследований категорию решения автора не публиковать произведение, и на рефлексия над текстом, который «не может быть

закрытым». Таким текстом может быть произведение фрагментарное, «раздробленное», своего рода остов произведения, которое не может реализоваться. Но это может быть также произведение, открытое многомерному богатству значений, где лишь намечается испытанная полнота, которую невозможно до конца выразить (таково мистическое творчество Словацкого). За незамкнутостью произведения может, однако, скрываться также – как в случае драмы «Горштыньский» – своеобразная динамика эстетических или мировоззренческих сил, которые не дают автору окончательно сформулировать свою позицию или сделать окончательный выбор. И в такой ситуации (а именно она наблюдается в драме «Горштыньский») как историку литературы, так театральному режиссеру или издателю особенно важно показать напряженность между силами, которые помешали окончательно завершить, дооформить произведение. В драме «Горштыньский» это прежде всего ирония, которая подрывает стабильные экзистенциальные и религиозные устои действительности, но поэт еще не нашел способа превратить созидательную силу иронии в центр романтического мира⁷.

Все вышеперечисленные факторы (охарактеризованные здесь только в самых общих чертах), которые определяют современную ситуацию в области изучения творчества Словацкого, обусловили интерес моей исследовательской группы к такому специфическому произведению, каким являются дорожные заметки Словацкого, находящиеся в записной книжке времен его путешествия на Восток – в Грецию, Египет и Святую Землю.

В составе группы – такие видные исследователи и издатели романтической литературы, знатоки творчества Словацкого, как проф. Яцек Бжозовский и проф. Збигнев Пшиходняк, которые в настоящее время работают над подготовкой нового издания сочинений Словацкого – первым после «Собрания сочинений», выпущенного Клейнером, широкомасштабным проектом нового издания наследия Словацкого в соответствии с уровнем современных знаний о его творчестве⁸. В группу входит также проф. Марек Трошиньский, первопроходец в деле публикации не изданных поэтом черновых набросков периода мистицизма, издатель записных книжек Словацкого позднего периода его творчества⁹. Помимо того мы пригласили работать в группе историков, искусствоведов (поскольку альбом путешествия содержит множество живописных зарисовок посещаемых мест), историков культуры Ближнего Востока,

⁷ Ср. издание этой пьесы в редакции Лавского: *Slowacki J. Horsztyński / Oprac. J. Ławski*. Wrocław, 2009.

⁸ В новой редакции, подготовленной исследователями, уже вышли стихотворения Словацкого (2005), его поэмы (2009) и отдельным изданием «Бенёвский» (2014).

⁹ *Slowacki J. Raptularz 1843–1849 / Oprac. M. Troszyński*. Warszawa, 1996.

эллинистов, египтолога – и молодых ученых разных специальностей, которые привносят в наш коллектив свежие идеи и креативность, в том числе в плане компьютерных решений.

Я имею честь руководить этим коллективом, и в своей работе я опираюсь на свой издательский и текстологический опыт, приобретенный в процессе подготовки к изданию двух произведений Словацкого: его малоизвестной мистической драмы «Агесилай»¹⁰ и поэмы «Путешествие в Святую Землю из Неаполя». Драма «Агесилай», написанная Словацким в поздний период творчества (вероятно, около 1843 г.), воссоздает события из истории античной Спарты; ее герой – царь Агис, правивший в 244–241 гг. до н. э., который хотел вернуть Спарте былое величие, но его реформы потерпели неудачу, и он был убит. Работая над новым изданием «Агесилая», я волевым образом задавалась вопросами, подобными тем, какие ставили исследователи в 1979 году, в ходе знаменитой конференции о Словацком-мистике. Я вынуждена была также отказаться от подхода Клейнера, который квалифицировал это произведение как неоконченную трагедию, по форме напоминающую трагедию античную (с некоторыми шекспировскими элементами), и в соответствии с этим шаблоном реконструировал неясные, незавершенные места. Мне стоило большого труда отойти от трактовки Клейнера (так сильно он повлиял на наше восприятие творчества Словацкого) и обнаружить, что это не просто драма, стилизованная под античную трагедию и не законченная автором. Я заставляла себя не вспоминать об издании Клейнера, чтобы выявить динамику этого произведения, осциллирующего между драмой, эпосом и лирикой, между современной автору политикой и античной историей, между автобиографичностью и эпической отстраненностью...

Второй мой издательский и текстологический опыт, напрямую связанный с работой над изданием альбома путешествия Словацкого, представляло собой издание поэмы, написанной под влиянием этого путешествия и во время его, которая в значительной части находилась в записной книжке автора. Эта поэма под названием «Путешествие в Святую Землю из Неаполя», почти законченная и даже записанная так, что текст оставляет впечатление чистовика, подготовленного для публикации, в итоге не была издана поэтом¹¹. Издатели еще в XIX в. напечатали ее под указанным названием, прибавив к ней стихотворение «Гробница Агамемнона», опубликованное

¹⁰ Kalinowska M. „Agezylausz” Juliusza Słowackiego. Głosy. Gdansk, 2015.

¹¹ Kalinowska M. Juliusza Słowackiego „Podróż do Ziemi Świętej z Neapolu”. Głosy. Gdansk, 2011.

Словацким в 1841 году. Поддавшись магии стихов поэта, они включили этот текст в поэму как ее восьмую песнь.

Работа над изданиями этой «путевой поэмы» Словацкого имеет за собой длительную издательскую и текстологическую традицию. Как я уже говорила, Словацкий не опубликовал это произведение, но дал поэме название и в значительной мере окончил ее во время путешествия в Грецию. Тогда были написаны песнь первая и песни с третьей по седьмую. Песнь вторая отсутствует – может быть, как мы полагаем, не потому, что она была утрачена или не закончена; возможно, здесь следует видеть намеренную ироническую игру поэта-романтика с читателем, хотя уверенности в этом у нас нет. Издатели практически сразу же, почти с самого начала истории изданий поэмы объединили песни, оставшиеся в рукописи, с «Гробницей Агамемнона», которую поэт опубликовал как приложение к своей историософской драме «Лилла Венеда», и с очень личным фрагментом, композиционно и тематически связанным с «Гробницей Агамемнона», а также с песнью девятой, также не изданной автором и – добавим – не находящейся в альбоме путешествия Словацкого.

Каковы были намерения издателей, «сложивших» поэму из столь различных частей? И правомерно ли такое «сложение» фрагментов разного характера (особенно таких, в которых находят отражение разные коммуникативные ситуации и разные отношения между автором и читателем)? Издатели руководствовались общими для всех фрагментов художественными признаками, такими как общая метрика (секстины), общей тематикой фрагментов (поездка в Грецию) и словами поэта о том, что он пишет путевую поэму.

До сих пор издатели и текстологи рассматривали альбом путешествия Словацкого только как записную книжку, собрание черновиков, не имеющее самостоятельной коммуникативной и художественной ценности и не составляющее отдельное целое. Группа, которой я руковожу, подходит к этому альбому иначе: для нас он являет собой неделимое целое, которое мы стараемся изучить и описать. Готова к изданию поэму Словацкого «Путешествие в Святую Землю из Неаполя», я искала иные принципы, которые упорядочивали и интегрировали бы это произведение, чем принципы, интегрирующие весь альбом. Этими принципами стали тема Греции (поэма касается только греческой части большого путешествия Словацкого) и историософская рефлексия в отношении польско-греческого параллелизма. Таким образом, издание этой поэмы всегда является компромиссом между пониманием различных решений

поэта (печатать или не печатать отдельные части поэмы) и издательской традицией объединения всех вышеназванных фрагментов в одно целое.

Сейчас, работая в нашем коллективе над альбомом путешествия поэта, мы ищем принцип, систематизирующий и интегрирующий уже не поэму или отдельные другие находящиеся в нем произведения, а весь путевой альбом Словацкого. На это нацелена наша работа. В каком-то смысле наша установка противоположна установке издателей отдельных сочинений, записанных в альбоме. Их издатели извлекают интересующие их тексты из дневникового целого – мы же стараемся «вплавить» их в это целое, увидеть как часть целостного альбома.

Содержащийся в нем дневник представляет собой одну из записных книжек, которые Словацкий вел в ходе путешествия в Грецию и на Восток. Кроме поэмы «Путешествие в Святую Землю из Неаполя», он содержит различные неоднородные материалы: в разной степени законченные стихи, рисунки и акварели, различного рода заметки, фрагменты прозы, наброски будущих произведений, суждения о прочитанном и увиденном, а также записки, касающиеся расходов, или словарик арабских слов. Тем не менее мы отказываемся считать, что это всего лишь неупорядоченный черновик, собрание случайных записок и заметок. Сосредоточиваясь на том, что объединяет весь альбом, мы пытаемся рассматривать этот дневник как некоторое целое и стараемся выявить принцип, интегрирующий такой разнообразный материал.

Одна из наших исследовательских гипотез (добавлю: самая простая) – это объединение столь разнообразного и разнородного материала вокруг темы, а лучше сказать – опыта путешествия, а может быть, и игры поэта в романтическое описание путешествия. При этом мы хотим увидеть в этом альбоме, как фрагментарном и открытом произведении, дневник поэта-романтика, в котором при посещении важнейших для европейской культуры мест (Святая Земля, Египет, Греция, Италия) происходит глубокая духовная перемена. Он начинает путешествие как ироничный романтик, а заканчивает его при Гробе Господнем, и ночь, проведенная в базилике Святого Гроба (храме Вознесения Христова) в Иерусалиме, преображает его, открывая ему путь к мистическому опыту. Какая гипотеза и какая линия в работе нашей группы станет главной, покажет будущее. Этот вопрос еще открыт.

Перевод с польского С. Скорвида